

Примечания

1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3909. Л. 126.
2. АВПРИ. Ф. 142. Д. 3109. Л. 92.
3. Там же. Ф. 143. Оп. 491; Д. 3113. Л. 129.
4. Там же. Оп. 491, Д. 3114, Л. 60.
5. Там же. Л. 60–61.
6. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 499, Л. 19.
7. Там же.
8. Ондар Г. А-О. Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2000. С. 55.

Литература

1. Дубровский В. А. Установление покровительства над Тувой в 1914 г. / В. А. Дубровский. – Кызыл : Респ. тип., 1994. – 53 с.
2. Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. – Иркутск, 1913.
3. История Тувы. – Т. 1. – Новосибирск, 2001. – 372 с.
4. Сиб. листок. – 1913, 1915.
5. Сиб. мысль. – 1911–1912.

КРУЖАЛИНА А. А.

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. ГЕРЦЕНА

XIX век в России отличается существенным обострением противоречий: социальных, политических, национальных. Исследователи выделяют различные предпосылки имперского кризиса, поразившего Россию во второй половине XIX – начале XX вв. В их числе можно отметить экономическую отсталость, отсутствие рабочего законодательства, разгул революционного движения и неумелую национальную политику царизма.

Так, в национальной политике российского правительства можно выделить два этапа – до и после 1863 г. с переходным между ними периодом между 1830 и 1863 гг. Такая периодизация напрямую связана с историей польских земель в составе Российской Империи и национально-освободительным движением, получившим широкое развитие в польских землях.

До 1830 г. политика была толерантной к национальным особенностям и прагматической. Приоритетами являлись социальная стабильность, внутренняя и внешняя безопасность. После Польского восстания 1830 г. политика стала более жесткой, но только в западных землях она приняла форму репрессии и была

направлена на ликвидацию их административно-политической автономии. Однако до второго польского восстания 1863 г. национальная политика не имела культурно-языковой направленности, а ее жесткость проявлялась лишь в отношении польских сепаратистов и тех, кто их поддержал; в остальных национальных регионах сохранялся прежний курс.

После подавления Польского восстания 1863–1864 гг. царское правительство провело ряд мер, направленных на «инкорпорацию» Польши в состав Российской Империи. Царство Польское стало называться Привислинским краем, на который распространилось общеимперское административное устройство. В 80-е гг. царизм повел активную политику обрусения Польши. Русский язык насаждался в школе и делопроизводстве административных учреждений. Все важные посты в них занимали русские чиновники. Был принят ряд мер к экономической интеграции Польши в составе России, как, например, упразднение в 1885 г. Польского банка, который превратился в Варшавскую контору Петербургского банка, и изъятие из обращения польской монеты.

Естественно, что вышеупомянутые меры царизма и особенно политика русификации только обостряли национальный вопрос и усиливали революционное движение, в котором наиболее активное участие принимали представители нерусских народов. В сложившейся ситуации национальный вопрос становится объектом исследования и обсуждения в разных слоях российской общественности. В связи с этим ярко выделяется публицистическая деятельность А. И. Герцена, который, находясь в эмиграции, достаточно остро и критично реагировал на национальную политику царизма и обличал ее недостатки и пороки.

В начале 50-х гг. XIX в. Герцен с грустью пишет: «Был миг, в который можно было надеяться; этот миг пропустила Польша, пропустила вся Западная Европа, и Паскевич донес Николаю, что Венгрия у его ног» [3, с. 123].

«По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцию за провинцией, и, как неотразимое бедствие, как мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе к ее сердцу. Где она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своим естественным врагам и делилась с ними добычей» [4, с. 462].

А потом в 1854 г.: «Чего хочет Польша? Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединенной с Русью,

но с Русью тоже свободной. Для того, чтобы соединиться с Русью, ей необходима полная воля. Поглощение Польши царской Россией – нелепость, насилие...» [4, с. 463].

С развитием критической ситуации в Польше проблема ее существования как самостоятельного государства получает все большее развитие. И уже в 1959 г. Герцен отмечает, что, несмотря ни на что, мнение его по польскому вопросу остается неизменным, что во имя этого мнения он старался сблизить пропаганды обеих стран и «во имя этого подал нам дружескую руку Станислав Ворцель» [Там же].

Будущее устройство Польши А. И. Герцен видел только в отделении Польши от России, однако Герцен допускал и «федеральное соединение» двух государств. Он писал: «Глубоко ненавидя всякую централизацию, я убежден, что соплеменные федерации дают среду государственную несравненно более широкую, чем раздробленные одного рода на отдельные части» [Там же]. Но также замечал, что это соединение должно быть «вольным». Герцен убежден, что Россия не имеет никаких прав на Польшу, «она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна заглаживать то, что сделали ее руками, и если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставить ее воли мы не можем, не отрекаясь от всех основных убеждений наших» [Там же].

Но признание независимости Польши не означает у Герцена абсолютного расхождения путей развития двух государств: «Нам кажется, что Польша и Россия могут рука в руку идти одной дорогой к новой свободной, социальной жизни» [Там же].

Герцен пытается определить границу между будущими государствами и считает, что так как естественных природных границ между Россией и Польшей нет, то «остается искать иных оснований – в самой жизни народа, в его быте...» [4, с. 465]. В данном контексте большое внимание уделяется вопросу самостоятельного существования Украины.

«Хмельницкий не из любви к Москве, а из нелюбви к Польше отдался царю. Москва или, лучше, Петербург обманули Украину и заставили ее ненавидеть москалей. Как же решить вопрос об ней?» [4, с. 465]. И Герцен считает, что если Украина, помня все притеснения как от Москвы, так и от Речи Посполитой, не захо-

чет быть ни польской, ни русской, то в таком случае следует признать Украину свободной и независимой страной.

Герцен также объясняет: «Для того, чтобы сказать, можно ли идти с Россией или нет, надобно посмотреть, что выйдет из общего движения, в которое Россия ринута...» [4, с. 467]. Тем самым он поясняет, что для создания такой преуспевающей федерации, для того, чтобы Польша и Украина стали «русскими», нужно, чтобы внутренняя политика России перестала «давить всех». Рокочное и необходимое дело для этого – освобождение крестьян.

События русской истории показали, что внутренняя политика России не привела ни к чему лучшему: отмена крепостного права на практике нисколько не была нацелена на улучшение положения крестьян, а помещики в целом не утратили своего привилегированного положения. Герцен понимал, что в данной ситуации нет и не может быть союза между Россией и Польшей, потому что, как он и предполагал, позитивное реформаторское движение власти осталось слабым, и Польше незачем идти «за Россией», Россия ничего хорошего ей не принесет.

И после похорон Станислава Ворцеля 5 февраля 1857 г. Герцен в 1861 г. вспоминает, что перестала чувствоваться та тесная связь между славянскими народами, «договориться до одинакового понимания было невозможно... Идеал поляков был за ними: они шли к своему прошедшему, насильственно срезанному, и только оттуда могли продолжать свой путь. У них была бездна мощей, а у нас – пустые колыбели... Они ищут воскресения мертвых – мы хотим поскорее схоронить своих... мы сознавали свою косвенную вину, мы любили их отвагу и уважали их несокрушимый протест. Что они могли в нас любить? что уважать? Они переламывали себя, сближаясь с нами, они делали для нескольких русских почетное исключение... У нас новое время началось с заносчивых требований, мы рвались вперед, готовые все ломать... у них – с панихид и упокойных молитв» [2, с. 348-349].

Герцен все отчетливее понимал, что ни о каком федеративном союзе славянских государств теперь не может быть и речи. Он даже осуждал Бакунина за его все еще пламенную веру в «славную и славянскую» федерацию, «о которой поляки говорили не то с ужасом, не то с отвращением» [2, с. 351].

И после 10 апреля 1861 г. и убийств в Варшаве Герцен с нескрываемым сожалением пишет: «... рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти...мы

предложили один тост: За полную, безусловную независимость Польши от России и от Германии и за братское соединение русских с поляками!... На разрыве – только на разрыве Польши с Россией – мы пойдем друг друга! Государь, никаких мечтаний, никаких мечтаний! Вы Польшу потеряли. Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови – вы предпочли австрийские драгонады» [1, с. 59–60].

Российское правительство совсем не желало прислушиваться к предложениям наиболее мыслящих кругов общественности. На основе изученного нами материала можно с полной уверенностью утверждать, что А. И. Герцен видел решение «польского вопроса» лишь в возвращении независимости полякам, в сохранении традиций, порядков, наконец, законов, которые были им присущи до вхождения в состав Российской Империи, и высказывался против насильственной русификации и угнетения нерусского населения империи.

Находясь в эмиграции, А. И. Герцен тесно сотрудничал с польскими эмигрантами, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю национально-освободительной борьбы польского народа. Заслуживают признания и памяти научного сообщества идеи, высказанные А. И. Герценом относительно решения «польского вопроса».

Литература

1. Герцен А. И. 10 апреля и убийства в Варшаве // Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. С. И. Машинского. – М. : Наука, 1975. – Т. 8.
2. Герцен А. И. Бакунин и польское дело // Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. С. И. Машинского. – М. : Наука, 1975. – Т. 7.
3. Герцен А. И. Польские выходцы // Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. С. И. Машинского. – М., 1975. – Т. 7.
4. Герцен А. И. Россия и Польша // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / под ред. М. К. Лемке. – СПб., 1919. – Т. 9.